

(см. выше, стр. 20), — закрепив их к XVII в. в поговорке, включенной и в позднюю редакцию «Слова» Даниила Заточника: «Не дай, господи, с богатым тягаться, а с сильным противитися».

Подобные рассуждения учительной литературы, так же как и изображение в демократической литературе XVII в. «человека, страдающего от голода, холода, от общественной несправедливости», проникнуты «горячим сочувствием автора и читателей» (Человек в литературе, стр. 137). В литературе XVII в. такие герои получили более определенную социальную характеристику. В учительных жанрах — в поучениях и афоризмах — это обобщенные образы «убогого», «простого», «бедного» человека, но они вызывают у читателя те же эмоции — «жалость и снисхождение» (Человек в литературе, стр. 138). Если согласиться с тем, что сочувствие писателей XVII в. героям, далеким от нормативного идеала, характеризует «эмансипацию литературного произведения не столько даже от автора, сколько от его морализирующей, проповеднической точки зрения» (там же, стр. 135), то следует признать, что элементы такой эмансипации наблюдаются и внутри учительных жанров, даже в старшей их библейской традиции. Ее нормативный идеал не был ведь однозначным: на Библию опиралось и ортодоксальное христианство, и ереси, отражавшие социальный протест.

И если страдающий герой демократической литературы XVII в. выступает «равновеликим» читателю (Человек в литературе, стр. 138), то еще задолго до этого он мог «узнать самого себя» в обобщенных образах «убогого», «обидимого» неправедным судьей, «богатым, сильным» — вообще «властью».

* * *

Человековедческий материал дидактических жанров литературы XI—XVI вв., переводной и русской, позволяет сделать некоторые выводы о том, насколько был теоретически подготовлен переход исторической, а затем и повествовательной и сатирической литературы XVII в. к задаче более глубокого изображения человека, когда сама историческая действительность подсказала эту задачу. Процесс обмирщения литературы еще в XVII в. не исключал из круга чтения, по крайней мере, средних и демократических слоев населения те сборники, с помощью которых распространялись учительные произведения. Большое число таких сборников и переписано было именно в XVII в. Лишь в XVIII в. этот вид чтения становится принадлежностью наиболее консервативных слоев читателей и постепенно сосредотачивается в старообрядческой среде. Здесь и продолжают переписывать произведения учительной литературы.⁶⁵ В то же время с конца XVII в. все сборники «поговорок всенароднейших» становятся доказательством того, как прочно многие, в том числе и человековедческие, наблюдения старинных изречений укрепились не только в литературной, но и в живой речи, превратившись в поговорки и влившись в фонд народных по происхождению «мирских притч».

В новой русской литературе традиции учительной литературы прошлых веков уже не соприкасаются непосредственно с развитием способов изображения человеческого характера. И все же именно сопоставление художественных образов людей, одержимых какой-либо одной господст-

⁶⁵ После революции 1905 г. выходит даже печатное издание Измарагда, в котором наиболее полно подобраны «слова» и «поучения» на тему «како жити всякому христианину».